

## ВЗЯТИЕ РЕДУТА

Один из моих друзей, офицер, несколько лет назад умерший в Греции от лихорадки<sup>1</sup>, рассказал мне как-то о первом деле, в котором он участвовал. Его рассказ так порастил меня, что я записал его по памяти, как только у меня нашлось для этого время. Вот он.

Я прибыл в свой полк вечером четвертого сентября. Полковника я застал на биваке. Он принял меня сперва довольно нелюбезно, но, прочтя рекомендательное письмо генерала Б., изменил тон и сказал мне несколько приветливых слов.

Он представил меня капитану, который только что вернулся из рекогносцировки. Мой капитан, узнать которого поближе мне не довелось, был высокий брюнет с суровым, неприятным лицом. Начав службу простым солдатом, он заработал эполеты и крест на полях сражений. Слабый и сиплый голос удивительно не соответствовал его гигантской фигуре. Мне сказали, что этим странным голосом он был обязан пуле, пробившей его насквозь в битве при Иене<sup>2</sup>.

Узнав, что я только что окончил военную школу в Фонтенбло<sup>3</sup>, он поморщился и промолвил:

— Мой лейтенант погиб вчера...

Я понял, что он хотел сказать: «Вам придется его заменить, а вам это не под силу». У меня чуть не вырвалось резкое слово, но я сдержался.

Луна поднялась за Шевардинским редутом<sup>4</sup>, расположенным на расстоянии двух пушечных выстрелов от нашего бивака. Она была огромная и красная, какой обычно бывает при восходе. Но в тот вечер она показалась мне невероятно большой. Черный силуэт редута одно мгновение вырисовывался на пылающем

---

<sup>1</sup> *офицер, ... умерший в Греции от лихорадки* — намек на участие некоторых французов в освободительной борьбе греческого народа против турецкого владычества.

<sup>2</sup> *Битва при Иене* — это сражение произошло 14 октября 1806 года; наполеоновские войска наголову разбили прусскую армию, открыв себе дорогу на Берлин.

<sup>3</sup> *...окончил военную школу в Фонтенбло...* — неточность Мериме: открытая Наполеоном в 1803 году в Фонтенбло офицерская школа была в 1808 году переведена в Сен-Сир.

<sup>4</sup> *Шевардинский редут* — редут на левом фланге русской армии накануне Бородинской битвы, сильно выдвинутый вперед; бой за редут произошел 24 августа (5 сентября) 1812 года, за два дня до генерального сражения.

диске луны. Он напоминал вершину вулкана во время извержения.

Старый солдат, стоявший рядом, обратил внимание на цвет луны.

— Какая она красная! — молвил он. — Видно, дорого нам обойдется этот самый редут!

Я всегда был суеверен, и это предсказание, особенно в такую минуту, смутило меня. Я лег, но не мог заснуть. Я встал и начал прохаживаться, поглядывая на бесконечную цепь огней, тянувшихся по высотам за деревней Шевардино.

Решив, что сырой и холодный ночной воздух уже успокоил мое волнение, я вернулся к костру; старательно укутавшись в плащ, я сомкнул глаза в надежде не раскрывать их до рассвета. Но сон бежал от меня. Мало-помалу мысли мои приняли мрачный оттенок. Я твердил себе, что среди сотен тысяч человек, собравшихся на этой равнине, у меня нет ни единого друга. Если я буду ранена-то попаду в лазарет где невежественные лекари не станут особенно обо мне заботиться. Мне вспоминались рассказы о хирургических операциях. Сердце мое сильно билось, и я бессознательно, словно броней, старался прикрыть грудь платком и бумажником, лежавшими у меня во внутреннем кармане. Усталость меня одолевала, я засыпал поминутно, и поминутно какая-нибудь зловещая мысль возникала с новой силой и внезапно будила меня.

Наконец усталость взяла верх, и когда били зорю, крепко спал. Мы построились, была сделана перекличка, затем ружья опять составили в козлы; все предвещало нам спокойный день.

Часа в три явился адъютант с приказом. Нам велели снова разобрать ружья; стрелки рассыпались по полю, мы медленно следовали за ними и через двадцать минут увидели, как русские передовые посты снялись и вошли в редут.

Одна артиллерийская батарея поместилась справа, другая слева, обе далеко впереди нас. Они открыли жаркий огонь по неприятелю, неприятель отвечал оживленно, и вскоре Шевардинский редут исчез в густых клубах дыма.

Неровная местность почти укрывала наш полк от огня русских. Их ядра (хотя они редко целили в нас, стреляя больше по нашим канонирам) пролетали над нашими головами, а если и

падали, то лишь обдавали нас землей и мелкими камешками.

Как только был отдан приказ к наступлению, мой капитан устремил на меня внимательный взгляд, заставивший меня несколько раз с самым непринужденным видом, на какой только я был способен, провести рукой по моим начинавшим пробиваться усикам. Впрочем, я не боялся; моим единственным опасением было: как бы не подумали, что я боюсь. Безобидные ядра только укрепляли мое героическое спокойствие. Самолюбие говорило мне, что я подвергаюсь настоящей опасности, потому что я действительно находился под пушечным огнем. Меня восхищала моя самоуверенность, и я предвкушал удовольствие, с каким буду рассказывать о взятии Шевардинского редута в салоне мадам Б., на улице Прованс.

Полковник прошел перед нашей ротой и сказал мне:

— Ну, вам придется жарко для первого раза!

Я улыбнулся чрезвычайно воинственно и стал чистить рукав мундира, который упавшее в тридцати шагах ядро забрызгало грязью.

По-видимому, русские заметили, что их ядра не достигают цели, и потому перешли на гранаты, которые могли вернее настичь нас в ложбине, где мы засели. Довольно крупный осколок сорвал с меня кивер и убил рядом солдата.

— Поздравляю вас, — сказал капитан, когда я поднял кивер, — теперь вы можете быть спокойны на целый день.

Я знал эту солдатскую примету, согласно которой аксиома *non bis in idem*<sup>5</sup> признается столь же верной на поле сражения, как и в зале суда. Я гордо надел свой кивер.

— Вот и пришлось поклониться волей-неволей, — проговорил я как мог весело.

Эта глупая шутка при данных обстоятельствах сошла за отличную.

— Я вас поздравляю, — продолжал капитан, — с вами больше ничего не случится, и к вечеру вы будете командовать ротой, потому что я чувствую, что нынче печь затоплена для меня. Всякий раз, когда я бывал ранен, офицер поблизости получал пулю в сердце, и, — прибавил он тише и почти стыдливо, — их имена всегда начинались на букву П.

---

<sup>5</sup> Не бывает, чтобы дважды попадало в одно и то же место (*лат.*) — выражение, принятое в судебной практике, означающее, что за одно и то же преступление дважды не карают.

Я прикинулся неверующим; многие поступили бы так же; многие, как и я, были бы поражены этими пророческими словами. Будучи новичком, я все-таки понимал, что не следует поверять свои чувства и что надо всегда выказывать хладнокровие и отвагу.

Через полчаса огонь русских заметно ослабел; мы вышли из-за нашего прикрытия и двинулись к редуту.

В нашем полку было три батальона. Второму было приказано обойти редут сзади; два других должны были идти на приступ. Я был в третьем батальоне.

Выйдя из-за последней насыпи, которая нас прикрывала, мы были встречены частым ружейным огнем, не причинившим большого урона нашим рядам. Свист пуль меня удивлял: я часто оборачивался, чем вызывал подчас шутки товарищей, уже привыкших к этим звукам. «В конце концов, — подумал я, — сражение не такая уж страшная вещь».

Мы продвигались вперед беглым шагом, следуя за застрельщиками; вдруг русские три раза прокричали «ура» — три громких «ура», потом замолкли и перестали стрелять.

— Мне не нравится это молчание, — сказал мой капитан, — оно не сулит нам добра.

Я находил, что наши солдаты слишком шумливы, и невольно сравнивал их громкие крики с внушительным молчанием противника.

Мы быстро достигли подножия редута; частокол был сломан, а земля изрыта нашими ядрами. Солдаты бросились на эти свежие развалины с криком: «Да здравствует император!» — гораздо более громким, чем этого следовало ожидать от людей, уже столько кричавших.

Я посмотрел вверх. Никогда не забыть мне зрелища, которое я увидел. Почти весь дым поднялся кверху и на высоте двадцати футов висел над редутом, как балдахин. Сквозь голубоватый туман позади полуразрушенного бруствера виднелись русские гренадеры с поднятыми ружьями, недвижные, как статуи. Я и сейчас будто вижу этих солдат: каждый левым глазом смотрел на нас, а правый был скрыт за наведенным ружьем. В амбразуре, в нескольких шагах от нас, человек возле пушки держал зажженный фитиль.

Я вздрогнул и подумал, что настал мой последний час.

— Ну, теперь попляшем! — крикнул капитан. — Добрый вечер!

Это были последние слова, которые мне пришлось от него услышать.

На редуте затрещали барабаны. Я увидел, как все ружья опустились. Я зажмурил глаза и услышал ужасающий грохот, а вслед за ним крики и стоны. Я открыл глаза, удивляясь, что еще жив. Редут снова заволокло дымом. Вокруг меня были раненые и убитые. Капитан лежал у моих ног: ядром ему разmozжило голову, и меня забрызгало его мозгом и кровью. Из всей моей роты на ногах остались только шестеро солдат и я.

За этой бойней последовала минута оцепенения. Полковник, нацепив кивер на острие шпаги, с криком: «Да здравствует император!» — первым взобрался на бруствер; за ним тотчас бросились все уцелевшие. Что было дальше, почти изгладилось из моей памяти. Мы вошли в редут, сам не знаю как. Там мы дрались врукопашную среди такого густого дыма, что не видели противника. Вероятно, я наносил удары, потому что моя сабля оказалась вся в крови. Наконец услышал крик «Победа!» — и, когда дым рассеялся, разглядел кровь и мертвые тела, устилавшие землю в редуте. Пушки были завалены горами тел. Человек двести солдат во французских мундирах толпились в беспорядке: одни заряжали ружья, другие обтирали штыки. Тут же было одиннадцать русских пленных.

Полковник, весь в крови, лежал на разбитом зарядном ящике у входа в редут. Несколько солдат теснилось вокруг него; я приблизился.

— Где самый старший капитан? — спросил он у одного сержанта.

Тот выразительно пожал плечами.

— А старший лейтенант?

— Вот господин офицер, который прибыл вчера, — ответил сержант с полным спокойствием.

Полковник горько усмехнулся.

— Ну, сударь, — сказал он мне, — примите командование; велите скорей укрепить вход в редут этими повозками: неприятель силен; генерал Кан пришлет вам подкрепление.

- Вы тяжело ранены, полковник? — спросил я.
- Моя песенка спета, милый мой, но редут взят!